

Константин Барит (Санкт-Петербург)

ДВА ПРОСТРАНСТВА И ДВА ВРЕМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДВАНОВА

Человек существо двойное — вот основа его психологии, двойное не в смысле двурушника, а, м. б., скорее англ<ела>-хранителя.

Андрей Платонов. Записные книжки (1931—1932)

Представление о человеке и окружающем его мире, сформированное в романе «Чевенгур», связывается в нашем сознании с мировосприятием его главного героя, Александра Дванова. Исследователи творчества писателя давно уже обратили внимание на корень «два» в имени, справедливо полагая, что именно здесь скрывается ключ к пониманию характера персонажа и смысла его идеологии. Семантика имени главного героя «Чевенгура» Дванова объяснялась: 1) наличием у него двух отцов¹, 2) его мировоззренческой близостью автору (в качестве двойника или «идеального я» самого Платонова)², 3) происхождением его из двух корней — «два» и «Иванов»³, 4) реализацией семантики «сам» и «Ы» (от лат. «два»), параллельно герою «Счастливой Москвы» «Самбикину»⁴, 5) тем, что он любит разговаривать сам с собой, находясь в перманентном состоянии автокоммуникации⁵. В поисках сокровенного смысла этого «двойственного» имени исследователи обращали внимание на числовые корни в фамилиях других платоновских персонажей — «Полуторный» («Полтора Ивана»), «Первоиванов», «Первый Иван»⁶. Анализируя мировоззренческую цельность/расколотость Дванова, его также сравнивали с апостолом Павлом, Фомой Неверующим и Иисусом Христом⁷. Отдавая должное остроумию и смелости этих гипотез, предположим, что это имя обозначает главное свойство и саму сущность платоновского героя: его способность жить в двух пространствах и в двух бытийных «направлениях».

Описанное в лице Дванова одновременное существование человека во взаимно отрицающих друг друга времени и в вечности, оказывается возможно потому, что, согласно развиваемой писателем логике, человеческое сознание — это особенный участок вечного саморазвивающегося «вещества жизни», в котором может происходить мощная генерация энергии, преобразующей пространственно-временной континуум. Таким образом, с помощью одной своей части, человеческого сознания, Вселенная творит и преобразует себя как целое, актуализируя функцию мозга как органа мысли всего живого «вещества существования». То, что называем «временем» и «пространством», есть лишь формы восприятия мира средствами те- лесно-

биологической организации Гомо Сапиенс, и они зависят от нашей органической конструкции более, чем от свойств окружающего мира, свидетельствуя о скромности наших познавательных возможностей (они вовсе не являются неизбежными бытийными основаниями человека). Для Платонова время — это явленное в событиях проявление энтропии, которая накапливается в виде бытийной усталости людей, других живых существ, предметов и вещей, порождая «старость», смерть и «запекающуюся сухую злобу» (49). Однако природа человека не исчерпывается его органической животной телесностью, которая есть лишь простая временная форма для существования в ней потенциально вечной и обладающей огромным жизненным потенциалом энергии мысли-любви, вырабатываемой сознанием человека. Настоящее местопребывание человека — конгломерат самых различных веществ и энергий, прямо и обратно переходящих друг в друга; в этом процессе, по Чмысли Платонова, человек как специфический генератор, трансформатор и аккумулятор энергии занимает важнейшее место. Его мыслительный процесс есть не его личное дело, но средство энергетической и творческой автокоммуникаций мирового «вещества жизни» и существенная часть продолжающегося Творения. В статье «О любви» писатель сформулировал положение, являющееся концептуальной основой романа «Чевенгур»: «Человек и вселенная — одно, и человек сам та же сила, какая бьется в звездах и траве <...>. Когда поймет человек себя, он поймет все и будет навсегда свободен. Все стены падут перед ним, и он, наконец, воскреснет, ибо настоящей жизни еще нет». Для того, чтобы это могло произойти, необходимо выполнить «великую историческую работу»: объяснить природу мысли и формы ее приложения к «веществу мироздания». Человек, который научился прилагать мысль к «веществу», согласно этой логике, бессмертен, так как он живет в «веществе существования», в бесконечном пространстве, полноценно насыщенном энергией жизни, следовательно — помимо времени. Этим, собственно, и описывается творчество самого Платонова, а также смысл пути, который проделывают главные герои его произведений — Вермо, Чиклин, Лихтенберг и особенно — Александр Дванов, имя которого означает «победитель».

Привычные для человека Новой истории антиномии — жизнь/смерть, прошлое/будущее, вещество/энергия, вечность/время, время/пространство, здесь/там — имеют у Платонова общий для них ключ решения в выработке и концентрации усилиями человека специфической энергии «мысли-любви». Человек, пребывающий в состоянии соучастия в Творении, обеспечивает себе место в особой «третьей» позиции между краями антиномий, преодолевая свою смертность и ограниченность. В записной книжке Платонов помечает: «Человечество живет не в пространстве-природе и не в истории-времени-будущем, а в той точке между ними, на которой время трансформируется в пространство, из истории делается природа. Человеческой сокровенности, одинаково чужды <...> и время, и пространство, и оно живет в звене между ними, в третьей форме»⁸. Обратим внимание на связь высказанной здесь идеи с концепцией В. Вернадского о биосфере, переходящей усилиями мысли человека в «ноосферу». В. Вернадский не пытался, подобно Платонову, создать связанную с этой концепцией новую антропологию, однако, говоря о структуре «вещества жизни», называл «вещество» и «энергию» «двумя сторонами одного и того же явления», между которыми «есть переходы»⁹. Один из важнейших такого рода переходов — сознание и мысль человека. Описание самоощущения человека, пребывающего в этой «третьей форме», составляет особую задачу Платонова в процессе работы над образом Дванова как существа, преодолевающего границу между временем и вечностью. В этом случае

перемещение между бытийными пространственно-временными точками идет по иной шкале, вещественно-энергетической, и зависит лишь от нее. Под давлением той или иной формы энергии меняются свойства пространства и время течет не так, как работают часы; и в «Чевенгуре» действует закон прямой связи между личным энергетическим балансом человека и его этико-онтологическим положением во Вселенной. ; :

«Смерть земли и умирающий человек»¹⁰, как пишет Н. Корниенко, оказывается главной темой всей Новой истории человечества и поэтому творчества Платонова. Человек как часть «вещества существования» обязан выстраивать бытие не согласно случайным законам своего биолого-органического существа, но по законам, общим для всего «вещества» в целом. Бог в «Чевенгуре» является в виде человекоподобного существа, отказавшегося от постыдного пищевого посредничества растений и животных между собой и «живым веществом существования». Богочеловеческое существо его_л проявляется в том, что он «отказывается от каши» как формы смертного отношения к «веществу», которое не удовлетворяет его интенции обрести двустороннюю, вечную жизнь, пища решает проблему временной сытости, но не решает проблему бытия: «Что мне делать с нею, — сказал он, — если съем, то навсегда все равно не наемся» (101). Не случайно, что в разговоре Дванова и бога повторяется евангельская сцена беседы Христа и Пилата, когда Христос ответил молчанием на вопрос об истине.

Для человека, который тратит энергии больше, чем сам вырабатывает в течение жизни, время идет только в одну сторону, обозначенную энтропией, согласно естественному, природному порядку вещей. Человек, который вырабатывает энергии мысли-любви больше, чем тратит на себя, оказывается в ином положении: он непосредственно соприкасается с вечностью и преодолевает свою пространственно-временную и органическую ограниченность. Это положительное сальдо энергии жизни, которую вырабатывает человек, противостоя «мертвой природе», Захар Павлович называет «углом опережения своей жизни» (54), и эта возможность предусмотрена только для существа, способного быть «генератором» мысли-любви. Все другие виды биологических организмов в совершенстве устройства могут не уступать человеку, но лишены перспективы выхода из круговорота «мертвой природы», они «сами себе конец»: «Ты возьми птиц! Это прелесть, но после них ничего не остается <...> ну? а где у них инструментальные изделия? Где у них угол опережения своей жизни? Нету, и быть не может <...> птицы — сами себе конец...» (53- 54). Преодоление подобного «самовольного конца», поглощение себя процессом любовного и разумного преобразования природы — главные добродетели платоновского праведника, который, естественным образом, становится жителем двух ипостасей Мироздания — временной и вечной. Природное время идет «так», к смерти, однако есть направление «обратно»; «жизнь» и «время» враждебны друг другу, торжество жизни означает отмену времени за счет остановки энтропии. «Обратно» времени — это направление спасительно, оно есть «счастье жизни», в то время как путь «туда» — есть «несчастье забвения и смерти». История человечества есть «чевенгурское лето», когда «время безнадежно ушло обратно жизни», но, утверждает повествователь, «окончательное счастье жизни вырабатывается <...> оно скрыто внутри прочих людей, но и находясь внутри — оно все же вещество, и факт, и необходимость» (303). Если бы удалось развернуть историю «обратно», то «долгое время истории кончилось», тем самым был бы положен конец «движению несчастья в жизни», тогда на место идущему «так» времени

воцаряется вечность, в которой не оказывается места смерти (268).

В романе «Чевенгур» слово «обратно» систематически употребляется в качестве антонима «смерти». Думая об ушедшем в степь Жееве, чевенгурцы предполагают два варианта его наличного состояния: 1) он «шагает обратно», 2) «мертвым лежит до утра» (272). В письме к Дванову, характеризуя состояние Вселенной в условиях борьбы против смерти, Копенкин пишет: «Дорогой товарищ и друг Саша! Здесь коммунизм, и обратно...» (218). Движение «обратно» в поэтике Платонова означает путь, противоположный природному сползанию жизни в смерть. Последний не устраивал ни Платонова, ни его героев, которые прилагают усилия для поворачивания вектора истории — от пассивного переживания своей жизни (путь к смерти) к качественному изменению ее смысла и содержания. Речь идет о смене направления «в смерть», которое формирует «природа», к направлению «в жизнь», что «необходимо» предназначено всему «веществу жизни» усилиями ее важнейшей части, человечества. Траектория движения человечества в историческую смертную «даль», «туда», обозначена в «Чевенгуре» в виде «мучительного» и «жалкого» пути мальчика Прошки вдоль железнодорожного полотна, обозначающего смертную детерминанту, «в даль, загроможденную крупной, будто обвалившейся природой» (60).

Оказавшись в роли заложников смерти (отдельных друг от друга «времени» и «пространства»), человечество, как пометил себе Платонов в записной книжке, попало «в мертвый тупик», причем выход из него обязательно есть, намек на это содержится в следующей фразе: «Вероятно, в истории это уже бывало не раз»¹¹. Борющийся со смертной инерцией природы «мастер» Захар Павлович и отказавшийся от этой борьбы бобыль — крайние точки шкалы, измеряющей степень участия человека в жизни Вселенной и уровень ответственности за возможную гибель «вещества». Бездействие человека в этой борьбе обещает ему смерть, борьба с «мертвой природой» — приобщение к вечности. Захар Павлович размышляет: «дождь и тот действует, а я сплю и прячусь в лесу напрасно: умер же бобыль, умрешь и ты; тот ни одного изделия за весь свой век не изготовил — все присматривался да принаравливался, всему удивлялся, в каждой простоте видел дивное дело и руки не мог ни на что поднять, чтобы чего-нибудь не испортить; только грибы рвал, и то находить их не умел; так и умер, ни в чем не повредив природы» (26). Преобразование пространства, которое осуществляют платоновские «мастера», меняет четвертую координату континуума, время, которое целиком зависит от энергетических свойств пространства, пересозданного руками человека.

Утопизм чевецгурских большевиков (Чепурный, Прохор Дванов, Пиюся и др.), которые хотели построить социализм за счет паразитирования на энергии солнца, очевидно идет вразрез с идеями самого Платонова и резко отличается от антиэнтропийной концепции бога, Александра Дванова, Копенкина, Достоевского. Они отказываются от пассивной, нахлебнической позиции по отношению к «веществу существования», свойственной чевенгурским «большевикам». Исключительно точно этот акцент проставлен в письме Копенкина к Дванову: «Работает тут одно летнее солнце, а люди лишь только нелюбовно дружат. <...> Событий нету — говорят, это наука и история» (217-218). И теми, и другими избавление от смерти и несчастий жизни («коммунизм») понимается как остановка времени (энтропии), а полное энергетическое насыщение «вещества» (для большевиков — только планета Земля) понимается как остановка истории и начало нового вечного бытия. Фразу из письма

Копенкина к Дванову о «коммунизме и обратно» вспоминает Гапнер, когда пытается воскресить уснувшую рыбу, предписывая ей путь «обратно»: «Гопнер взял у пришедшего рыбу из рук и бросил ее в воду. — Может, отдышится! — объяснил он» (241). Тот же смысл имеет попытка воскресения мертвого ребенка чевенгурскими большевиками. В условиях остановки времени нет разницы между биологическим бытием и бытием минеральным, нет необходимости в потреблении энергии, поэтому жизнь и смерть окончательно утрачивают границу. Так трактует смерть ребенка Жеев: «От этого он и умер, как прибыл в Чевенгур, — понял Жеев. — У нас ему стало свободно: что жизнь, что смерть» (315). Необходимость присутствия Дванова как человека, знающего дорогу «обратно», Гапнер подчеркивает в разговоре с Луем: «Наши товарищи говорили, что в Чевенгуре он немедленно необходим <...> — А что там за дело? Там товарищ Копенкин написал, что коммунизм и обратно...» (241).

Нынешняя общественно-историческая реальность обозначена Копенкиным словом «бред», который может быть преодолен переходом жизни в «революцию» (переходный период), который ведет в «коммунизм» (бытие без энтропии), где смерть будет побеждена и энтропия будет повернута вспять. Думая о спасении Розы Люксембург, Копенкин подразумевает именно такой вектор развития истории: «он снова предвидел, что вскоре доедет до другой страны <...> Розу откопает из могилы и увезет к себе в революцию» (147). Этот мотив спасения от смерти любимой лишен какого-либо эгоистического оттенка, полностью согласуясь с глобальными интересами Вселенной: все такого рода воскресения и обращения кого-либо в бессмертное существо (живущего по своей воле и «так», и «обратно») чевенгурцы понимают как «возвращение» в рамках «общего невидимого блага» (203). Поэтому «жизнь» и «время» в «Чевенгуре» — обратные понятия: чем больше времени, тем меньше жизни. Платонов искренно верил в вечность и незыблемость «вещества», обеспечивающего многообразие и вечную текучесть форм жизни во Вселенной, первым врагом которых оказывается «время», замкнутое в смертный круг движения «природы»: «Все бывает на свете и возвращается вновь, — одно лишь время безвозвратно»¹². **

Энтропия (время) «безвозвратна», однако возможно и «необходимо» движение «обратно», по пути накопления энергии («все <...> возвращается вновь»). Человек способен, верил Платонов, сделать так, чтобы преобразовать пространство и тем самым остановить время, если в определенной точке «вещества жизни» его энергии мысли-любви окажется достаточно, чтобы противостоять энергии смерти,

энтропии. Тогда жизнь пойдет «в другую сторону»: это будет не линейное движение «назад» по линии времени в духе машины времени Герберта Уэллса — такое движение, учитывая преобразования по оси вещество-энергия невозможно, «время безвозвратно» — но перемещение в новую реальность, не выходя из своей наличной. Ведь если из «истории делается природа», то, следовательно, изменив историю, можно изменить и природу. Сама возможность движения человека в обоих направлениях, которое олицетворяет Дванов, является ключом к пониманию сюжета и пространственно-временных параметров художественного мира «Чевенгура». В романе строго разделяется жизнь как биолого-социальное существование и так называемая «главная жизнь», сознательное действие человека в направлении «обратно», по пути избавления от смерти. Такого типа модель бытия в вечности уже при временной жизни обозначена в «Чевенгуре» словосочетанием «главная жизнь». Именно к этому призывает Дванова Захар Павлович: «Саш, — сказал он, — ты сирота, тебе жизнь досталась задаром. Не жалея ее, живи главной жизнью» (75).

Такого рода энергетический «угол опережения», меняющий природное «направление в смерть» на ноосферное направление «в жизнь», осмыслен в романе «Чевенгур» как «огонь». Находясь в состоянии двуединой «третьей формы», между временем и вечностью, Дванов переживает преодоление времени как событие личной жизни: «Этот огонь позволял иногда Дванову видеть оба пространства...» (161). Кардинальным фактором строительства «ноосферы» является человек, который и является тем самым реальным «переходом» между «веществом» и «энергией», между временем и вечностью, способность которого пребывать одновременно в двух реальностях, ниже и выше энтропии, обозначена в имени главного героя «Чевенгура». Резкое отличие Дванова от других героев «Чевенгура» заключается в том, что это единственный из героев, который сознательно устремлен к жизни «обратно» и, уже сейчас пребывая в вечности, способен встать над энтропией до конца собственного биологического существования: «Дванов времени не завидовал — он чувствовал свою жизнь в запасе и знал, что успеет обогнать ход часов» (180).

Залогом этой уверенности является свойство Дванова как жителя двух пространств — чувствовать процесс насыщения своего тела энергией жизни и ухода из него жизненной энергии, которые являются одновременно событиями энергетической картины Мироздания и событиями его личной жизни: «Дванов опустил голову и представил внутри своего тела пустоту, куда непрерывно, ежедневно входит а потом выходит жизнь, не задерживаясь, не усиливаясь, ровная, как отдаленный гул...» (71). Пребывая в состоянии физико-энергетического отождествления с вечным «веществом существования» и легко смещая свою личную бытийную точку зрения за пределы своего органического тела, Дванов может почувствовать, представить и реально ощутить себя любым предметом: «Саша воображал себя паровозом» (66); напротив, фиксация себя в конкретной физической определенности (перенос своего бытия в мир времени) нелегко дается платоновскому герою: «самого себя воображал с трудом». Граница между веществом и энергией текуча, в вечности никаких окончательных и твердых границ между предметами быть не может. Понятие границы имеет относительное значение, любая часть вещества легко может поменять форму и качество, перетечь в новый облик. Новый Адам Платонова Дванов переживает это как свое телесное и этико-онтологическое качество. Естественно, что он не имеет и не может иметь «своих целей», но только цели всемирного «вещества существования», от лица которого он живет и действует. В этом смысле герой Платонова олицетворяет собой движение от конечного — к бесконечному, которое свойственно человеческому существу, который есть постоянно преодолеваемая ограниченность и конечность в сторону безграничности и бесконечности. Смысл надежд Дванова в том, что энергия мысли-любви действительно может противостоять энтропии и спасти человека и все Мироздание. Но насыщение мыслью и любовью отдельных участков вещества происходит пока что очень неравномерно и носит случайный характер. Энтропию коллективными усилиями большевиков в рамках утопической идеи «солнечного социализма» в «Чевенгуре» победить не удалось, в результате апокалипсис нарастает, солнце гаснет и обращается в «красного карлика», а энергетическая революция становится революцией политической. В этой ситуации Дванову ничего не остается, как из двух связанных с ним одновременно «пространств», временного и вечного, из двух бытийных путей, обозначенных словами «туда» и «обратно», выбрать второе. Фактически[^] уход Дванова в озеро в финале романа «Чевенгур» — это не самоубийство и вообще не

смерть, это простой перенос своего личного «я» от своего измученного тяжелой и бесплодной борьбой временного тела на все вечное «вещество существования» в целом. Финал «Чевенгура» трагичен не тем, что Дванов умер, а тем, что спасительная нить, связующая вечность и время, воплощенная в бытийной позиции Дванова, оборвалась.

¹ Гюнтер Х. Жанровые проблемы утопии и «Чевенгур» А. Платонова // Утопии и утопическое мышление. М., 1991. С. 259.

² Яблоков Е. «На берегу неба» (Роман Андрея Платонова «Чевенгур»). М., 2001. С. 42. *

³ Толстая-Сегал Е. О связи низших уровней текста с высшими: проза Андрея Платонова // Slavica Hierosolymitana. 1978. V. 2. P. 196-197.

⁴ Дмитровская М. Философский контекст романа А. Платонова «Счастливая Москва»: Платон, Аристотель, О. Шпенглер // Russian Literature. 1999. V. 46. № 2. P. 159.

⁵ Яблоков Е. Указ. соч. С. 57. Е. Толстая-Сегал считает, что в имени героя заключается мысль о раздвоении его сознания (Толстая-Сегал Е. Идеологические контексты А. Платонова // Russian Literature. 1981. V. 9. № 3. P. 250—251).

⁶ Гальцева Р., Роднянская И. Помеха — человек. Опыт века в зеркале антиутопий // Новый мир. 1988. № 12. С. 222.

⁷ Яблоков Е. Указ. соч. С. 55.

⁸ Цит. по: Корниенко Н. История текста и биография А. П. Платонова (1926-1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 51.

⁹ Вернадский В. Биосфера. Ч. 1, 2. JL, 1926. С. 8.

¹⁰ Корниенко Н. Предисловие // Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000. С. 10.

¹¹ Платонов А. Записные книжки. £. 148.

¹² Там же. С. 226.